Флейшман в беде

Автор:
Тэффи Бродессер-Акнер

Флейшман в беде

Тэффи Бродессер-Акнер

МИФ Проза

Хороший семьянин и внимательный врач Тоби Флейшман разводится с бездушной женой-карьеристкой, погружается в мир онлайн-знакомств, пытается уживаться с детьми и получить долгожданное повышение. Но все планы рушатся, когда Рэйчел оставляет ему детей и не выходит на связь. Тоби злится, жалеет себя и жалуется своей подруге, бывшей журналистке Либби. И под взглядом Либби история разворачивается по-настоящему: и она сама, и Рэйчел наконец получают возможность самим говорить за себя, а не быть декорациями к мужским драмам.

Это остроумный, точный и глубокий роман о современной семье в большом городе, о роли мужчин и женщин и о том, как воспринимает их общество.

На русском языке публикуется впервые.

Тэффи Бродессер-Акнер

Флейшман в беде

Информация от издательства

Taffy Brodesser-Akner

Fleishman is in Trouble

Издано с разрешения Stephanie Brodesser-Akner и ICM Partners acting in association with Curtis Brown Group Limited

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2019 by Taffy Brodesser-Akner

© Перевод на русский язык, издание на русском языке ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2021

?

Посвящается Клоду

Свидетелей зовите.

Эсхил, «Эвмениды»

Часть первая. Флейшман попадает в беду

Однажды утром Тоби Флейшман проснулся в городе, где прожил всю свою взрослую жизнь, но лишь недавно выяснил, что здесь полно женщин, которые

почему-то вожделеют его, Тоби. Причем не каких попало женщин, а самоактуализированных, независимых, знающих, чего хотят. Женщин, уверенных в себе, не виснущих на мужчинах, не страдающих комплексом неполноценности, в отличие от девушек, которые были доступны ему в давно прошедшей юности. «Доступны» в данном случае означало, что он считал их теоретически доступными, при желании, тогда как они не удостаивали его даже взглядом. Нет, теперь его домогались женщины самостоятельные и целеустремленные, и притом свободные. Они интересовались им и интересовали его, возбуждались им и возбуждали его. То были женщины, которые не выжидали, пока мужчина позвонит им, как положено, день, два или три спустя после знакомства, а сами слали ему фото своих интимных мест на сутки раньше. Женщины без комплексов, раскованные в постели, умеющие сказать, чего хотят и что им нужно. Женщины, употребляющие выражения вроде «раскрыть все карты», «секс без обязательств» и «давай по-быстрому, мне еще забирать Беллочку с балета». Женщины, которые трахаются так, будто они тебе деньги должны (как выразился наш общий друг Сет).

Да, кто бы мог подумать, что у Тоби Флейшмана (возраст – сорок один год) телефон будет светиться с утра до вечера (ночью свечение было особенно ярким) от эсэмэсок со стрингами, ложбинками меж ягодиц и меж грудей, грудями в ракурсах снизу, сбоку и спереди и всеми прочими частями женского тела, которые Тоби даже не надеялся когда-либо увидеть в трехмерном варианте – трехмерном в том смысле, что владелица этих частей не изображена на бумаге или на компьютерном экране. А ведь юность Тоби прошла под знаком неудач в любви! А ведь он уже пошел ва-банк, сделав ставку в сумме всей своей жизни и свободы на одну-единственную женщину! Кто мог такое предвидеть? Кто бы мог подумать, что жизни еще будет так много?

И все же, поведал он мне, ему приходилось нелегко. Рэйчел исчезла, и ее исчезновение странно мешало тому, что он планировал раньше. Дело не в том, что он ее до сих пор хотел. Он ее совершенно не хотел. Он вовсе не мечтал, чтобы она по-прежнему была рядом. Но дело было в том, что он так долго ждал, пока выдохнутся ядовитые пары его брака, занимался оформлением бумаг, долженствующих освободить его от уз, объяснял всё детям, съезжал с квартиры, рассказывал коллегам, – что совершенно не задумывался, какой будет жизнь по ту сторону. Конечно, он в общем и целом понимал, что такое развод. Но пока не привык к деталям: рядом в кровати пусто, никто не предупреждает, что пора выходить, а иначе опоздаешь, и вообще ты ничей. Сколько времени прошло, пока он привык разглядывать фото женщин на своем телефоне – фото, присланные женщинами добровольно и охотно, – прямо, а не украдкой,

воровато? Ну да, это случилось быстрее, чем он думал, но все-таки не сразу. Определенно не сразу.

За время их брака он даже не взглянул на другую женщину, так влюблен был в Рэйчел. Так влюблен он был в институт брака и в любой другой общественный институт или систему. Он серьезно, целенаправленно пытался спасти отношения с женой, даже когда любому разумному человеку уже было ясно, что их взаимное несчастье – не просто очередная фаза. Тоби верил, что труд по спасению семьи – благородный труд. Страдание очищает. И даже когда он понял, что все кончено, еще несколько лет у него ушло, чтобы убедить Рэйчел: так нельзя дальше жить, они слишком несчастны вместе, они оба еще молоды и могут построить новую, счастливую жизнь с кем-нибудь другим. Но даже тогда он ни разу, ни на миллиметр не поглядел налево. В основном, рассказывал он, потому, что был слишком занят собственным страданием. В основном потому, что все время чувствовал себя совершенно ужасно, а человек не должен чувствовать себя совершенно ужасно все время. Более того, когда человек чувствует себя ужасно, ему не следует испытывать сексуальную неудовлетворенность. Сочетание сексуальной неудовлетворенности и низкой самооценки, казалось ему, участь потребителей порнушки.

Но теперь он больше не обязан хранить верность кому-либо. Рэйчел уже не было рядом с ним. Ее не было в кровати. Ее не было в ванной, где она с точностью робота-артроскопа наносила бы жидкий контур на стык века и ресниц. Она не уходила в спортзал и не возвращалась из спортзала в менее паршивом настроении – ненамного, самую чуточку менее паршивом. Она не просыпалась среди ночи, жалуясь на бездонную пропасть бесконечной бессонницы. Она не посещала родительские собрания в школе, куда ходили их дети, – расположенной на Вест-Сайде, очень частной и дорогой, но одновременно каким-то образом демократичной и прогрессивной, – и не сидела там на низком стульчике, выслушивая список новых, гораздо более серьезных требований, которые будут предъявлены к несчастным детям в этом году. (Впрочем, она и раньше почти никогда не ходила на родительские собрания. В эти дни она задерживалась на работе или ужинала с важным клиентом – то, что она именовала «работать на совесть», если не хотела обидеть Тоби, и «работать твоим спонсором», если хотела.) Итак, ее не было рядом. Она была в совершенно другом жилище, где когда-то жил и Тоби. Каждое утро эта мысль на миг обессиливала его: он ударялся в панику. Первое, что мелькало у него в голове после пробуждения, было: «Что-то не так. Случилась какая-то беда. Я попал в беду». Он сам настоял на разводе, и все же: «Что-то не так. Случилась беда. Я попал в беду». И каждое утро он стряхивал с себя эту мысль. Напоминал себе,

что произошедшее – «в порядке вещей», «естественно» и «нормально». Рэйчел теперь и не должно быть рядом с ним. Она должна быть в другой квартире, ее собственной, гораздо лучше этой.

Но и там ее не оказалось – во всяком случае, сегодня утром. Тоби узнал об этом, когда потянулся к новой прикроватной тумбочке из IKEA и взял оттуда телефон, чье пульсирующее присутствие ощутил еще за несколько минут до официального открытия глаз. В телефоне обнаружилось семь или восемь новых сообщений, в основном от женщин, что писали ему через приложение для знакомств, но Тоби сразу перепрыгнул взглядом на сообщение от Рэйчел, где-то в середине списка. Оно будто светилось иным светом, чем те послания, что содержали части тела и фрагменты кружевного белья; оно притягивало взгляд гораздо сильнее. Эсэмэска была отправлена в пять утра. В ней говорилось:

Уезжаю на выходные в «Крипалу». Имей в виду, дети у тебя.

Ему пришлось прочитать это два раза, чтобы смысл до него дошел. Тоби выскочил из постели, не обращая внимания на эрекцию, которая теперь его не смущала – ведь он знал, что его телефон ломится от новых картинок, есть на что подрочить. Он выбежал в коридор и удостоверился, что дети в самом деле у него и спят, каждый в своей спальне. «Имей в виду, дети у тебя»? «Имей в виду»?! Это «Имей в виду» было явно добавлено потом, для проформы. Оно было излишним. Оно было совершенно несущественным. А существенно было то, что Рэйчел сбросила детей на Тоби вне расписания, в отсутствие договоренности, под покровом ночной темноты, воспользовавшись ключом, который был ей дан на случай настоящей чрезвычайной ситуации.

Он вернулся к себе в спальню и позвонил бывшей жене.

– О чем ты вообще думала? – прошипел-прошептал он в телефон. Шипение-шепот ему пока не очень давалось, но с каждым днем получалось все лучше. – А если бы я куда-нибудь ушел, не заметив, что дети у меня?

– Именно поэтому я послала тебе эсэмэску, – ответила Рэйчел. На его шипение-шепот она обычно отвечала закатыванием глаз и возмутительно беспечным тоном.

– Ты их после полуночи привезла? Потому что я лег спать в двенадцать ночи.

– Я их завезла в четыре. Мне нужно было вовремя попасть на программу. Там внезапно освободилось место. Занятия начинаются в девять утра. Тоби, сделай мне одолжение. У меня сейчас трудный период. Мне нужно хоть какое-то время для себя.

Как будто теперь все ее время не принадлежало исключительно ей самой.

– Рэйчел, ты не имеешь права проделывать со мной такие штуки.

Теперь он произносил ее имя только в состоянии крайнего раздражения. Рэйчел.

– Почему? В эти выходные дети все равно должны быть у тебя.

– Да, но только с утра субботы! – Он потер двумя пальцами переносицу. – Выходные начинаются в субботу. Ты сама установила это правило.

– А что, у тебя были другие планы?

– О чем ты вообще? Рэйчел, а если бы вдруг пожар? Что если бы меня срочно вызвали к пациенту и я бы уехал, даже не зная, что дети тут?

– Но ведь ты не уехал. Извини, ты хочешь сказать, что я должна была тебя разбудить и сообщить, что привезла детей?

Он представил себе, как она его будит, и понял, как непоправимо это помешало бы ему привыкать к пробуждению без неё.

– Ты вообще не должна была их привозить!

– Ну, если то, что ты говорил вчера вечером, – правда, ты должен был этого ожидать.

Тоби напряг еще сонные мозги, припоминая последний неприятный диалог, и воспоминание пронзило его внезапным чудовищным ужасом. Рэйчел болтала какую-то чепуху о том, что открывает филиал своего агентства на Западном побережье, потому что еще недостаточно загружена и не окончательно

зашивается с работой. Если честно, все это было как в тумане. Разговор закончила она, это он помнил, – кричала на него сквозь рыдания, так что он ничего не мог разобрать, и вдруг в телефоне наступила мертвая тишина, и он понял, что Рэйчел бросила трубку. Так теперь заканчивались их разговоры – в противовес прошлому, когда Тоби машинально извинялся. Ему всю жизнь твердили, что любовь – это когда тебе не приходится извиняться. Но на самом деле необходимость извиняться отпадает только после развода.

– Тоби, пойми, я оказалась в сложном положении, – говорила в это время Рэйчел. – Я понимаю, что это очень рано. Но тебе надо только отвести их в лагерь. А если у тебя уже другие планы на выходные, то вызови Мону. Почему мы вообще это обсуждаем?

Ну как она не видит, что это вовсе не мелочь?! У него и правда назначено свидание сегодня вечером. Он не хотел оставлять детей с Моной – это Рэйчел, а не он, считает Мону универсальным решением всех проблем. До Рэйчел, кажется, никак не дойдет, что он – живой человек, а не мигающий курсор на экране, повинующийся командам. Что он продолжает существовать, даже когда не находится в одной комнате с ней. Он не мог понять, какой смысл был заключать соглашения, если она даже не притворяется, что их соблюдает, и не извиняется, когда их нарушает. Он дал ей ключ от своей новой квартиры не для того, чтобы она вытворяла такие штуки, а для того, чтобы хоть как-то подтвердить: да, они разошлись полюбовно. Полюбовно. Вы когда-нибудь замечали, что это слово используется только для описания конфликтов? Может, его поэтому и используют только для конфликтов – не хотят пачкать им другие, нормальные отношения. Так слово «злокачественный» употребляют только для описания рака, хотя, по идее, оно годится и для других вещей.

Дети зашевелились, просыпаясь. Ну и ладно. Стояк у Тоби все равно уже опал.

Солли, его девятилетний сын, проснулся, но одиннадцатилетняя Ханна заявила, что хочет еще полежать.

– Прости, малыш, не получится, – сказал Тоби. – Нам выходить через двадцать минут.

Дети побрели в кухню, не открывая глаз, а Тоби принялся рыться у них в сумках в поисках вещей, которые следовало надеть в дневной лагерь. Ханна огрызнулась на него за то, что он выбрал неправильный наряд – легинсы, которые предназначались на завтра. Тоби подал ей крохотные красные шорты, и она выхватила их с неудержимой злобой – она явно не привыкла как-то себя ограничивать в проявлении эмоций. Потом она раздула ноздри, сжала губы и тем не менее как-то умудрилась сообщить, что он должен был купить «Корнфлекс», а не «Корн-чекс». Подтекстом шло: «За что мне выдали такого безмозглого кретина в качестве отца?!»

Солли, напротив, бодро съел свой «Корн-чекс», закрыл глаза и помотал головой от удовольствия:

– Ханна! Очень вкусно! Ты только попробуй!

Тоби уже дошел до того, что был благодарен сыну за это жалкое выражение солидарности. Солли понимал. Солли знал. Солли был его до такой степени, что Тоби и в голову не приходило усомниться, стоило ли вообще заводить детей. В Солли, так же как и в Тоби, жила внутренняя потребность, чтобы все было хорошо. Солли хотел, чтобы вокруг все было мирно – точно так же, как его отец. Они и внешне были похожи. Те же черные волосы, те же карие глаза (хотя у Солли глаза были чуть крупнее, и потому казалось, что он все время чем-то напуган), тот же нос в форме запятой, та же миниатюрность – это не значит, что оба были коротышками, они были невысокого роста, но сложены пропорционально. Не чрезмерно хрупкие, так что, увидев их отдельно от окружающих предметов, не в масштабе, нельзя было догадаться об их росте. И это было хорошо, потому что малорослым людям и так приходится трудно. Но вместе с тем это было плохо, потому что люди, увидевшие тебя не в масштабе, сначала думают, что ты выше, а потом их постигает разочарование.

Ханна тоже была его, только у нее были прямые светлые волосы Рэйчел, ее же узкие голубые глаза и острый нос – лицо в целом выглядело обвиняющим, совсем как у матери. Но еще она обладала особым сарказмом Флейшманов. Во всяком случае, когда-то обладала. Разъезд родителей, кажется, убил в ней желание шутить и зажег злобу. Впрочем, это случилось бы так или иначе – либо потому что родители слишком часто и слишком яростно ссорились, либо потому что она входила в подростковый возраст и злобу вызывало буйство гормонов. А может, потому что у нее не было телефона, а у Лекси Леффер был. А может, потому что у нее был аккаунт на фейсбуке, которым ей разрешалось

пользоваться только с общего компьютера в гостиной. А ей этот фейсбук был даже и не нужен, фейсбук – это для старикашек. А может, потому что отец предложил купить кроссовки, которые выглядели точно как «Кедс», но стоили на двенадцать долларов дешевле и отличались только отсутствием голубой штучки сзади, и вообще, как насчет противостояния разнузданному потребительству? А может, потому что по радио передавали печальную песню о давно ушедшей любви, имевшую для Ханны особое значение, а отец попросил ее сделать потише, поскольку ему как раз позвонили из больницы. Или потому что потом она заставила его послушать эту песню, чтобы объяснить, почему та имеет для нее особое значение, а Тоби, прослушав песню, так и не понял, как Ханна может тосковать по ушедшей любви, когда у нее даже бойфренда еще не было. А может, потому что он как-то засомневался, не слишком ли коротка у нее юбка и не очень ли задирается, когда Ханна садится. А может, потому что он как-то засомневался, не слишком ли коротки у нее шорты, если из-под них видна складочка под ягодицей и подкладка карманов длиннее самих шорт. А может, потому что он спросил, где ее расческа, тем самым, разумеется, намекая, что ее волосы выглядят ужасно. А может, потому что она не же-ла-ла смотреть «Принцессу-невесту» или любой другой из его стариковских фильмов. А может, потому что однажды он в порыве нежности взъерошил ей волосы, погубив идеальную прическу, которую она укладывала целых десять минут. А может, потому что она не же-ла-ла и читать «Принцессу-невесту» или любую другую из его стариковских книг. Почему-то ненависть и презрение Ханны к родителям, направленные на них обоих, были кое-как выносимы, но направленные на одного Тоби – совершенно его уничтожали. Он не знал, приберегает ли Ханна хоть часть этого презрения для матери. Он знал только, что при взгляде на него глаза дочери, цвета озерной воды, сужаются еще сильнее, превращаясь в лазеры, нос каким-то образом еще больше заостряется, а губы сжимаются так сильно, что белеют.

Они черепашьим шагом выдвинулись в направлении дневного городского лагеря. Дети были усталые и раздражительные, потому что не выспались (видишь, Рэйчел? Видишь?).

– Я ненавижу лагерь, – сказала Ханна. – Можно я просто побуду дома?

Она мечтала поехать в настоящий лагерь, загородный, с ночевками, на все лето, но на октябрь была назначена ее бат-мицва, и весь июнь и июль ей нужно было готовиться к чтению гафтары.

– Осталась всего неделя. Одно-единственное занятие.

– Я хочу сегодня уехать.

– Может, давай я тебе отдельную квартиру сниму на это время? – спросил Тоби. Хотя бы Солли засмеялся.

Они наконец добрались до Культурного центра еврейской молодежи на Девяносто второй улице. Там уже толклись матери в ярких узорных легинсах и футболках с надписями вроде «ЙОГА И ВОДКА» или «1. ЕСТЬ 2. СПАТЬ 3. СПОРТЗАЛ 4. ПОВТОРИТЬ». Здешний дневной лагерь стоил почти столько же, сколько загородный с проживанием, и еще Ханна все время спрашивала, нельзя ли ей вместо посещения лагеря стать помощницей вожатого. Но в помощники вожатого брали только начиная с десятого класса.

– И даже тогда это стоит денег, – сказал Тоби, ознакомившись с веб-сайтом Культурного центра. – Не понимаю, почему я должен платить за твою учебу на помощника вожатого, если тебя уже будут эксплуатировать как настоящего помощника вожатого?

– А почему ты должен был платить за учебу на врача, когда тебя уже эксплуатировали как настоящего врача? – парировала Ханна. Тоби вынужден был признать, что в ее словах есть определенная правда. Он тогда подумал, что девочка умненькая, и еще – что ему не хотелось бы служить мишенью для этого ума. Ему казалось, что дочь становится таким человеком, быть которым очень нелегко.

Они успели с запасом минут в шесть. Лагерь ежедневно вывозил детей на весь день за город, в Пэлисейдс, а тем, кто опоздал к отъезду, приходилось весь день сидеть в четырех стенах с малышами. Тоби предложил проводить Ханну в класс, но она отказалась, и тогда он повел Солли в его класс. Он понаблюдал, как сын участвует в последнем на это утро эксперименте со слаймами, и уже собирался уйти, как вдруг услышал свое имя.

– Тоби, – произнес низкий, с придыханием, женский голос.

Он обернулся и увидел Сынди Леффер, хорошую подругу Рэйчел. Дочь Сынди была ровесницей Ханны. Сынди потратила секунду на подробный осмотр. Ах, вот

оно что! Тоби знал, что будет дальше. Наклон головы в двадцать градусов, преувеличенно оттопыренные губки, брови приподняты.

– Тоби, я все время собиралась с тобой связаться, – произнесла Сынди. – Мы тебя теперь совсем не видим.

На ней были бирюзовые лайкровые легинсы с рисунком из когтистых фиолетовых лап на верхней части бедер, словно по ногам карабкались фиолетовые тигры, пытаясь забраться в промежность. И майка с надписью «ГАНГСТЕРЫ ДУХА». Тоби вспомнил, что как-то говорила Рэйчел: родители, меняющие в именах дочерей букву «и» на «ы», лишают их всяких надежд на успех в нашем обществе.

– Тоби, как ты вообще? Как дети?

– Ничего, – ответил он. Он попытался держать голову прямо, не имитируя позу Сынди, но потерпел неудачу – слишком развиты у него были зеркальные нейроны. – Справляемся. Но, конечно, наша жизнь сильно изменилась.

Он заметил, что Сынди красит волосы по новой моде – корни темные и постепенно светлеют к концам. Но темная часть была слишком темной, как у молодой женщины, и по контрасту со лбом этот цвет лишь подчеркивал дряблость кожи. Тоби вспомнил физиотерапевтшу, с которой переспал несколько недель назад. Хоть она и была ровесницей Сынди и красила волосы так же, но оттенок у корней был теплее и смотрелся естественнее.

– Наверно, у вас давно были трудности? – спросила Сынди. Дженни, вспомнил он. Физиотерапевтшу звали Дженни.

– Ну, мы разошлись не под влиянием минуты, если ты об этом.

Тоби и Рэйчел разъехались в самом начале июня, сразу после окончания школьных занятий. Это стало завершением процесса длиной почти в год. А может, процесса, который начался сразу после свадьбы, четырнадцать лет назад. Смотря кого спросить или как посмотреть. Если брак распадается, значит ли это, что он был обречен с самого начала? Когда брак можно считать распавшимся – когда начинаются неразрешимые проблемы, или когда супруги наконец соглашаются, что эти проблемы неразрешимы, или когда об этом в

конце концов узнают другие люди?

Конечно, Сынди Леффер жаждала вытянуть из него информацию. Этого жаждали все. Диалоги были всегда безыскусные и всегда одни и те же. Первым делом люди спрашивали, как давно дела пошли плохо. Был ли ты уже несчастен на том вечере в школе, когда демонстрировал свое танцевальное искусство – свинг, которому научился в кружке танцев еще в университете? Был ли ты уже несчастен в день той бат-мицвы, когда во время длинных речей рассеянно поцеловал ей руку? А на том родительском собрании, когда ты стоял возле стола с кофе, а она – возле учительской, проверяя сообщения в телефоне, верно ли я догадалась, что вы поссорились? При виде супружеской пары с проблемами окружающие сразу навостряли уши; они откровенно осведомлялись обо всем, о чем только можно было осведомиться. Шерри, кузина Тоби, у которой была привычка кидать долгие разочарованные взгляды на своего мужа, Рона: «А вы не пробовали семейную терапию?» Начальник Тоби, Дональд Бартак, женившийся вторым браком на медсестре из отделения гепатологии: «Ты ей изменял?» Директор дневного лагеря в еврейском центре, выслушав объяснения Тоби о том, что у его детей сейчас трудное время из-за разъезда родителей: «А у вас был выделенный вечер для свидания друг с другом?»

Эти вопросы на самом деле были не о Тоби. Они были о том, насколько люди видят, что происходит рядом, сколько всего они не замечают, кто еще скоро объявит о разводе и существуют ли в собственном браке собеседника некие подводные течения, которые и его в конце концов погубят. Мы страшно поссорились с женой прямо в годовщину свадьбы – значит ли это, что мы разведемся? Может, мы слишком часто спорим? Хватает ли нам секса? Не занимаются ли сексом все остальные супружеские пары гораздо чаще нас? Может ли развод случиться через полгода после того, как ты рассеянно поцеловал руку своей жене на бат-мицве? «Слишком несчастен» – это какое именно количество несчастья?

«Слишком несчастен» – это какое именно количество несчастья?

Рано или поздно Тоби перестанет быть свежеразведенным мужем, но этих вопросов он не забудет никогда. Не забудет, как люди спрашивали, якобы проявляя сочувствие к нему, а на самом деле тревожась о собственном будущем.

Начало лета прошло как в тумане. Он пытался обрести равновесие в этом незнакомом мире, где его жизнь буквально во всех аспектах чуточку – и в то же

время колоссально – изменилась. Он по-прежнему спал, но один и в другой кровати. Он ужинал с детьми, как всегда, – Рэйчел уже много лет не возвращалась в будни раньше восьми-девяти вечера, – но после ужина отводил их на старую квартиру и шел пешком девятнадцать кварталов до своей новой. Пройдоха Дональд Бартак сказал Тоби, что его, Бартака, повышают до главврача по внутренним болезням и что он выдвигает кандидатуру Тоби на должность заведующего подразделением гепатологии в отделении гастроэнтерологии. Это случится, как только нынешняя заведующая гепатологией, Филиппа Ландон, перейдет на освободившееся место Бартака. У Тоби не нашлось никого, кому первому он хотел бы поведать эту новость. Он подумал, не позвонить ли мне или Сету, но это выглядело как-то очень жалко – неужели у него нет нормальных близких людей? Он чуть не позвонил своим родителям в Лос-Анджелес, но из-за разницы во времени там сейчас было пять утра. Потом он стал решать, следует ли сообщить эту новость Рэйчел. (Он ей сказал, но потом, когда отводил детей, и она улыбнулась одними губами. Она больше не притворялась, что интересуется его карьерой.)

Но сейчас, в конце июля, когда лето приближалось ко второй базе, Тоби снова ощутил землю под ногами. По крайней мере, он выработал четкий распорядок. Он делал успехи. Он адаптировался. Он привык готовить на троих, а не на четверых. Он учился говорить «я» вместо «мы», когда его приглашали на барбекю и коктейли, что случалось нечасто. Он снова стал ходить на долгие прогулки и научился отгонять мысль, что должен кому-то сообщать, куда идет и когда вернется. Да, он определенно делал успехи, кроме вот таких моментов, как сейчас, в разговоре с Сынди. Раньше он был для всех Сынди мира сего все равно что муха на стене; побочное явление своей семьи, муж преуспевающей Рэйчел, отец общительной Ханны или симпатичного Солли, или «эй, вы ведь доктор, не посмотрите, что это у меня тут такое вскочило?». А теперь он стал отдельным человеком, и люди по правде хотели с ним разговаривать. В результате развода он каким-то образом обрел душу.

Сынди дожидалась его ответов. Она обшаривала глазами его лицо – так актеры, играющие в мыльной опере, смотрят друг на друга за миг до рекламной паузы. Он знал, чего она от него ждет. Он работал над собой, чтобы не кидаться каждый раз заполнять эту паузу; работал над тем, чтобы ответственность за дискомфорт от паузы легла на того, кто его допрашивает. Карла, его психотерапевт, старалась научить его сосуществовать с некомфортными чувствами. Он, в свою очередь, старался научить тех, кто выкачивал из него информацию, сосуществовать с некомфортными чувствами.

Но было и еще кое-что. Невозможно говорить о разводе и не рассказывать ужасные вещи про своего бывшего или бывшую. А Тоби не хотел этого делать. Он ощущал странную потребность – вести себя дипломатично. Школа была полем битвы, и он знал, что проще простого будет перетянуть людей на свою сторону. Он знал, что мог бы рассказывать про неуравновешенность Рэйчел, ее вспышки гнева, истерики, нежелание участвовать в жизни детей. Он мог бы говорить вещи вроде «Вы ведь наверняка заметили, что она никогда не ходит на родительские собрания». Но не хотел. Он не хотел портить имидж Рэйчел в школе – мешал инстинкт защитника, от которого Тоби до сих пор не избавился. Да, она чудовище, но ведь она всегда была чудовищем, она – его чудовище, ведь пока что на нее не заявил права никто другой, пока развод не был завершен официально и она все еще преследовала Тоби, как призрак.

Сынди сделала шаг к нему. При его росте – всего пять футов пять дюймов[1 - 165 сантиметров. Прим. ред.] – она была на целую голову выше и притом слишком худа для любой женщины вообще. Лицо с крупными чертами до отказа напичкано ботоксом и гиалуронкой. Заботу и беспокойство о Тоби она выражала, качая головой из стороны в сторону и преувеличенно пуча губы. Выразительность лица Сынди слегка страдала из-за полной неподвижности лба – он был такой все время, сколько Тоби ее знал. Когда она была счастлива, ее лицо выглядело точно так же.

– Мы с Тоддом очень расстроились, когда услышали, – сказала она. – Если мы можем чем-нибудь помочь… Мы ведь и твои друзья тоже.

Она сделала еще один шаг к нему. Теперь расстояние между ними было ровно на два шага меньше, чем приличествовало случайной встрече с замужней подругой жены в вестибюле детского дневного лагеря. У Тоби зажужжал телефон. Он покосился на экран. Это была Тэсс, женщина, с которой ему сегодня вечером предстояло первое свидание. Он прищурился, разглядывая крупный план плодородного треугольника, где сходились ее бедра и сетчатые черные трусики.

– Это с работы, – сказал он Сынди. – У меня биопсия назначена.

– Ты все еще в больнице работаешь?

– Э, ну да, – ответил он. – Люди все еще болеют. Спрос и предложение.

Сынди односложно хохотнула, но посмотрела на него с… сочувствием? Все школьные родители так на него смотрели. Быть врачом стало непрестижно. Только в прошлом году Тодд, муж Сынди, встретив Тоби в родительский день (они ждали в очереди у входа в класс для индивидуального разговора с учителем; Рэйчел, как всегда, отсутствовала, поскольку ужинала с клиентом и не могла успеть в школу вовремя), очень серьезно посмотрел на Тоби и спросил: «Если бы твои дети захотели стать врачами, что бы ты им сказал?» Тоби не понял вопроса и лишь на пути домой сообразил, что это была жалость финансиста к врачу. Врач! Тоби растили в уверенности, что врач – уважаемая профессия. Это и была уважаемая профессия! Когда Рэйчел в тот вечер пришла домой, Тоби пересказал ей разговор с этим козлом Тоддом, а она ответила: «Ну да, что бы ты им сказал?» Они все были против него!

– Тогда тебе надо бежать, – сказала Сынди. – Мы ведь увидим Ханну завтра вечером, да?

Она склонилась и подарила ему всеобъемлющее объятие с соприкосновением по трем фронтальным точкам – лоб, грудь и пах. Объятие длилось на миллисекунду дольше, чем все ее предыдущие физические контакты с Тоби, равные в точности нулю.

Он шагал прочь от Еврейского центра для молодежи, гадая, правильно ли уловил исходящие от Сынди вибрации. Она хотела его утешить, несомненно, но еще она хотела его трахнуть. Не может быть. И все же. И все же, и все же, и все же, и все же она явно гадала, каково было бы его трахнуть.

Нет, не может быть. Он вспомнил ее соски, ровно и бодро, как солдаты, торчащие под дурацкой майкой. Он явно увлекся – и неудивительно, если учесть, что его телефон аж сочится похотью женщин, которые определенно и недвусмысленно хотят его трахнуть. Так, чтобы аж тапочки слетели. Трахаться с ним всю ночь.

Каждое сообщеньице, что он получал, – каждый подмигивающий смайлик, смайлик в виде багрового дьявола, каждое селфи в одном лифчике или настоящее всамделишное фото верхней части попы с ложбинкой между ягодицами – возвращало к самому насущному вопросу его юности: возможно ли, что он на самом деле не был таким отвратительным, как решил после многочисленных отказов от практически всех девушек, с которыми когда-либо встречался глазами? Возможно ли, что на самом деле он был очень даже ничего?

Может, дело было не во внешности и не в росте, но в отчаянии, с которым он в те годы вымаливал регулярный (или хоть какой-нибудь) секс? Может, именно это отчаяние уменьшало его привлекательность? А может, было что-то притягательное в его нынешнем положении. Только что разведен, рана в сердце еще не зажила. А может, раз зеркальные нейроны, феромоны и прочее не передаются через телефонный экран, всё, что видели его собеседницы, – отражение собственной похоти и собственной доступности, и стоило найтись еще чьей-либо доступности и похоти под стать твоей – вуаля! Бабах! Тоби не хотелось бы так думать. Это значило бы, что секс больше никак не связан с тягой людей друг к другу. Но не мог он как ученый-исследователь и исключать такую возможность.

Он познакомился с Рэйчел на первом курсе меда. Сейчас он думал о том времени почти постоянно. О принятых тогда решениях и о том, мог ли он уже в самом начале уловить тревожные звоночки. Он вспоминал Рэйчел на той вечеринке в библиотеке. Глаза ее излучали слово «секс». Она тогда носила ту же прическу, что и до сих пор, – под Клеопатру, но цвета блонд. Как вбирал его взгляд сверкание ее геометрической прически. Как синева ее глаз была одновременно раскаленной и ледяной. Как ее верхняя губа в форме купидонова лука казалась холмом, орошенным росой, манящим взойти на него; как форма верхней губы зеркально отражала очертания подбородка с ямочкой (по научным данным, такая симметрия стимулирует мужскую инициативу в сексе и обеспечивает визуальное удовлетворение, способствующее выделению гормонов счастья). Как острые черты ее лица казались исправленной версией семитского типа, который Тоби приучили вожделеть. Ее отец не был евреем, и, судя по рассказам бабушки и нескольким сохранившимся фотографиям, Рэйчел пошла в него. И это тоже обдавало острым чувством опасности – то, что Тоби, с его традиционным воспитанием, полюбил женщину, похожую на ее отсутствующего отца-гоя. Как у Тоби кружилась голова, как он полностью растворялся в похоти, когда Рэйчел выдвигала вперед бедро, обдумывая что-нибудь. Как, зная Тоби всего месяц, она поехала с ним в Калифорнию на похороны бабушки; как она сидела в заднем ряду с печальным видом, ради Тоби, а потом вернулась с ним в дом родителей и помогала раскладывать доставленную из ресторана еду на подносы. Как она раздела его и… Нет, сейчас он не будет об этом думать. Эти мысли не способствуют его выздоровлению.

Суть была в том, что Рэйчел его хотела. Суть была в том, что Тоби Флейшмана вообще кто-то захотел. Мы наблюдали, как он наблюдает мир, шествующий мимо; мы наблюдали, как он поставлен в тупик своей неспособностью привлечь хоть какую-нибудь женщину. До этого у него была только одна настоящая

подружка, не считая, конечно, пьяных девиц, с которыми он обжимался на полу во время студенческих вечеринок. До Рэйчел у него было всего две женщины. Но потом он окончил учебу на бакалавра, а в меде почти все девушки уже были заняты. И вдруг появилась Рэйчел, которая глядела на него, и в ее взгляде не читалось «коротышка» или «жалкий тип». Хотя он был и тем и другим. На той вечеринке он посмотрел на нее через всю комнату, и она встретила его взгляд и улыбнулась. Так много времени прошло с тех пор, и все же тогда она была «Рэйчел для него». Он так много лет потратил, пытаясь воскресить ту Рэйчел в этой, которая проявлялась ежедневно. Но даже теперь именно та Рэйчел первой всплывала в мыслях, когда он о ней думал. Он знал, что, будь это не так, ему было бы гораздо легче.

Это правда, что у Тоби в расписании стояла биопсия через сорок пять минут, но на самом деле он хотел ненадолго заглянуть в приложение для знакомств. Он вышел на улицу, открыл приложение и двинулся на запад. Было уже жарко – примерно те самые 94 градуса[2 - По Фаренгейту; соответствует примерно 34 градусам Цельсия. Прим. перев.], которые обещали днем. Еще обещали грозовые тучи, но пока на небе не было видно ничего особенно страшного.

В парке прекрасные юноши и девушки – они все были прекрасны, даже некрасивые, – уже, несмотря на ранний час, лежали на расстеленных одеялах, запрокинув голову навстречу солнцу. Давным-давно, когда Рэйчел еще соглашалась ходить с Тоби гулять, они смеялись над людьми, которые спят в парках. Не над бездомными или наркоманами – только над теми, кто приходил в парк в тренировочных штанах, ложился на расстеленное одеяло и прикидывался, что мир – безопасное место, которому только и забот, чтобы дать тебе хорошо отдохнуть. Ни Тоби, ни Рэйчел не представляли себе такой беспечной жизни, при которой можно заснуть посреди парка на Манхэттене; постоянное беспокойство было единственной чертой, которая роднила их до конца. «Я не понимаю, как можно показываться на людях в тренировочных штанах», – говорила Рэйчел. Сама она носила легинсы, в каких другие мамаши ходили в спортзал, и майки с надписями. (Одна ее майка гласила: «НО СПЕРВА – КОФЕ». А другая: «БРАНЧУЙ ИЗО ВСЕХ СИЛ».) Рэйчел считала, что сейчас, когда брюки можно заменить кучей других вариантов – штаны для йоги, легинсы и прочее, – ходить в тренировочных штанах значит открыто, хоть и пассивно, заявлять о состоянии своего духа. «Если женщина носит тренировочные штаны, значит, она махнула на себя рукой», – говорила Рэйчел.

На ходу Тоби нажал кнопку поиска в телефоне и получил список находящихся неподалеку потенциальных партнерш, готовых на введение в себя пальцев, стимуляцию сосков и мануальное доведение партнера до оргазма в восемь тридцать утра в пятницу. Индианка под пятьдесят, с младенцем на руках; белая, с обвисшими веками и черными ногтями, лет сорока пяти, сосущая леденец; еще одна с оранжевой от искусственного загара кожей и сиреневыми волосами, в очках с черепаховой оправой; бледная женщина неопределенного возраста (но взрослая) с детской соской-пустышкой во рту; ложбинка между грудями, усыпанная веснушками (только эта ложбинка); бледная задница (и больше никаких фото); женщина с испуганными глазами и изрытым оспинами лицом под толстым слоем плохо подобранной и напоминающей шпаклевку косметики, в застегнутой на все пуговицы рубашке, с плотно сжатыми губами, выдающими ее нервозность перед камерой; брюнетка с двумя косичками, одну из которых она прижала к верхней губе, чтобы получились усы; седовласая, годящаяся Тоби в матери, с бокалом мартини в руке (рядом торчал кусок мужского плеча, не полностью отрезанный краем фото). Как обычно, многие выставляли фото с племянниками и племянницами, как бы между делом рекламируя свои материнские склонности на случай, если просматривающий фото сознательно или бессознательно ищет постоянную подругу, а не только объект для введения пальцев и т. п. Тоби свайпнул вправо фото женщины, которая снялась под углом, так что практически свисала с кровати примерно начиная с той точки, где расположен позвонок Т6 (прямо посреди позвоночного столба). Камера смотрела снизу вверх, и долина меж грудями (возможно, накачанными соляным раствором) была похожа на дорогу, проходящую по дну ущелья.

Тоби почему-то приятно было видеть мир так, как он представлялся через приложение для знакомств. Почему-то приятно было представлять себе Нью-Йорк как скопище людей, которые только и делают, что занимаются сексом. Ходят по улице с одной мыслью: потрахаться, или каким-либо иным образом потрогать/полизать/проникнуть в/обдать жарким дыханием первое же попавшееся теплое тело, на это согласное. Люди, одержимые сексуальным пылом, люди еще живые – может быть, ожившие после нескольких лет смерти, как сам Тоби, – с виду совсем обычные, но в глубине души едва удерживаются от соблазна кинуться на незнакомца по пути в аптеку, на совещание или на занятия йогой. Приятно было узнать, хоть и на довольно поздней стадии жизни, что эта энергия все еще витает в воздухе. Это успокаивало и давало надежду, что все упущенное им из-за ранней женитьбы на Рэйчел по-прежнему где-то ждет. Что и другие, как он, совершили ошибки и теперь начинают сначала. Что он еще не стар и может заняться тем, что раньше считал чисто юношеской забавой, – тратой времени на поиски потрахушек. Да, узнав о существовании этого слоя

Нью-Йорка под слоем, известным ему ранее, Тоби обрел радость, мир и душевный покой. Теперь он смотрел не только сквозь очки развода, но и сквозь очки свободы и видел нечто вроде зомби-апокалипсиса, только с вагинами в роли зомби.

Теперь, проснувшись, он первым делом лез в HR, так называлось его приложение для знакомств. Оно заменило ему фейсбук. Заглядывая в фейсбук, он погружался в отчаяние оттого, что на свете существует огромное количество людей, еще не знающих о его разводе. Но кроме этого, фейсбук представлялся пейзажем из не выбранных им дорог, из картин невыносимого чужого счастья (настоящего или инсценированного). Браки, вроде бы скучные, и посты вроде бы случайные, не ставящие целью кого-либо впечатлить – отражающие не агрессивный жизненный успех, а обычное благополучие, – именно от таких Тоби хватался за сердце. Он никогда не мечтал достигнуть в своем браке каких-то великих, бессмертных высот. Он не идиот. Он видел брак своих родителей. Он хотел лишь простого, глуповатого счастья – стабильности, эмоциональной поддержки и общего, пусть не слишком сильного, довольства жизнью. Сари, его бывшая стажерка, выставила фото себя и мужа на боулинге для сбора средств в пользу школьного фонда. «Какой отличный вечер», – написала она. Судя по всему, она выбила три страйка[3 - Страйк в боулинге – идеальный бросок, когда за один раз игрок выбивает все 10 кеглей. За три страйка подряд начисляется 30 очков. Прим. ред.]. Тоби смотрел на ее пост с непреодолимым желанием прокомментировать: «Радуйся жизни, пока можешь» или «Любое желание – смерть». Лучше ему пока не заходить в фейсбук.

За счет фейсбука у Тоби высвободилось время на приложения для знакомств, из которых он пользовался четырьмя: HR, Choose (предположительно для еврейских знакомств, хотя там попадались также азиатки и католички), Forage, древний веб-сайт, позже обзаведшийся приложением, где паслись в основном луддиты, к которым, возможно, относился и сам Тоби, и Reach, через который могли инициировать контакт только женщины (это поначалу устраивало Тоби, пока он еще пытался оценить собственную привлекательность для противоположного пола в своем нынешнем состоянии: рост по-прежнему пять футов пять дюймов, волосы все на месте, проступают морщинки у рта и мешки под глазами, но все еще стройный, и не забывайте, волосы все на месте).

Со временем он полностью переключился на HR. При загрузке приложение приветствовало его каким-нибудь вдохновляющим лозунгом: «Прямо в яблочко!» или «Приди, увидь, победи!» Это приложение однажды поставила ему на

телефон Джоани, его клинический ординатор в гепатологии. В тот день Тоби был расстроен сообщением от Рэйчел по поводу выплат на содержание детей (она назвала их алиментами, потом утверждала, что это нечаянно получилось, так он и поверил). У Тоби испортилось настроение, и он наорал на Логана, другого клинического ординатора, когда тот ошибся в интерпретации результатов ЯМР. Такую ошибку мог сделать кто угодно, и ее следовало бы использовать как удачный момент для обучения, а не орать. Логан заметно удивился, и Тоби ничего не оставалось как рассказать: они с Рэйчел разъехались и собираются разводиться. Он просит прощения, но у него нервы на пределе. Ординаторы молчали минут десять, потом Логан спросил: «И как вы, держитесь?» Тоби ответил: «Да, у меня было время с этим свыкнуться».
А Джоани – у нее, скажем прямо, неконвенциональной формы нос и бесцветные волосы, которыми она старательно завешивает лицо, – улыбнулась ему половиной рта и сказала: «Ну что ж. Будет здорово, вот увидите».

Он старался не улыбаться, пока она говорила. Старался щуриться серьезно, будто при осмотре пациента, но ничего не мог с собой поделать. Ему не приходило в голову, что его новость можно воспринять как-то иначе, не как трагедию. Он думал, что ему придется мрачно опускать взор на собственные ботинки при каждом упоминании развода, что этого требуют некие приличия. Но он уже довольно страдал. Он мучился много лет в чистилище неудач и самоуничижения, каким была заключительная фаза его брака. Каким бывает заключительная фаза любого брака. Да! Будет здорово! Он выглянул в окно и понял, что на дворе лето. Лето!

Он снова перевел взгляд на телефон в руках Джоани. Она показала ему цифру в углу экрана и объяснила, что этой цифрой женщина обозначает свою «доступность» в данный момент.

– В смысле, свободна ли она прямо сейчас? – переспросил Тоби, вглядываясь в телефон и морщась всем лицом.

– В смысле, насколько она готова! – объяснил Логан.

– Готова? – переспросил Тоби.

Клинические ординаторы дружно расхохотались.

– Насколько она озабочена! – перевел Логан.

Тоби посмотрел на Логана. Привлекательное лицо с массивной челюстью. Во времена молодости Тоби любой произносящий подобные слова попадал в разряд сексуальных маньяков. Тоби поглядел на Джоани, пытаясь понять, оскорбилась ли она, но она смеялась. О сексе теперь говорили прямо, он был так же доступен, так же под рукой, как вот это приложение, которое сейчас каким-то образом загружалось к нему на телефон. «Насколько она озабочена», – невольно повторил про себя Тоби, при этом помня, что он ответственный сотрудник и находится на рабочем месте. Он отнесся к этому сообщению как к медицинским данным и стал представлять себе вскрытие трупа, чтобы предотвратить неуместную эрекцию.

Позже, в комнате отдыха для врачей, он притворился, что проверяет безобидную электронную почту, но на самом деле стал знакомиться с новым приложением. Его немедленно парализовал объем данных, которые требовалось ввести при заполнении профиля. Вопросы были совершенно безумными, а правдивые ответы на них – слишком банальными или стыдными. Тоби сидел и смотрел на вопросы, зная, что правду отвечать нельзя. Кем был бы он, не будь он тем, кто он есть на самом деле? Литературным критиком? Это отчасти правда и звучит красиво, верно ведь? Кто его животное-фамильяр? (Чего-чего?!) Какая у него любимая еда? (Хумус, это была правда, но трудно представить себе менее сексуальную еду, чем хумус.) Любимый фильм? (Он хотел написать «Энни Холл»[4 - Комедийный кинофильм Вуди Аллена про начало, развитие и конец отношений между начинающей певицей Энни Холл и стендап-комиком невротиком Элви Сингером. Еврей Сингер повсюду видит антисемитские заговоры и много лет посещает психоаналитика. Прим. ред.], но не был уверен, что это подойдет.) Как он любит проводить дождливый день? (За чтением, просмотром порнушки и мастурбацией.)

Он пришел в ужас. Не то чтобы он не мог заполнить эти анкеты. Не то чтобы он не готов встречаться с женщинами. Бог свидетель, к тому времени, как брак распался и супруги разъехались, они уже более чем готовы к чему-то новому. Но его пугало обилие бюрократических препон. Словно перспектива прочесывать нью-йоркских женщин в поисках любви не была сама по себе экзистенциальным кошмаром. Он ведь этим занимался в молодости, так? И разве он не решил этот вопрос? Разве не покончил с этой ерундой, женившись?

Потом, как-то субботним утром, через две недели после того, как Тоби съехал от Рэйчел, он проснулся и понял, что он один. Его новая квартира выглядела как декорации к унылой пьесе – почти пустая, лишь кое-где торчат предметы мебели, купленные не по необходимости и не потому, что они ему понравились, а лишь чтобы заполнить объем. Нигде ничего не валялось, в отличие от старой квартиры, где всегда кипела жизнь и домашние торопливо собирались то на концерт флейтистов, то на танцевальную репетицию, то в гости к друзьям, то на день рождения. Теперь Тоби окружали коричневый диван, обитый микрофиброй, серое кресло, которое раскладывалось в футон, дурацкий ковер с оранжевыми спиралями, уже буреющий по краям, телевизор с некрасивым пучком проводов, которые никак не удавалось спрятать, паршивый книжный шкаф из ДСП, и все это было изо дня в день одним и тем же. Ничто не перемещалось с места на место. Дети приходили и уходили, теперь они были гостями, и в квартире ничего не двигалось. В квартиру падал дневной свет – сначала синий, потом желтый, потом белый, потом опять синий, – но в ней все было неподвижно. Дети приходили после школы, ужинали и делали уроки, но Тоби провожал их домой и возвращался, и казалось, что никаких детей тут и не было. Что жизнь, идущая здесь, – имитация.

И еще тут было тихо, слишком тихо. Раньше, когда она была редкостью, Тоби любил тишину. «Ты слышишь?» – говорил он Рэйчел, когда дети были в школе, или уезжали в лагерь, или оба уходили в гости к друзьям. Тишина будто имела свой собственный звук. Теперь это отсутствие звука было не исключением, а постоянным фактором. Ничто стало для Тоби соседом по квартире.

И вот он сел в кресло-мешок, купленное для сына, и стал правой рукой дергать себя за волосы на груди, левой при этом заполняя анкету для приложения HR. Наконец он разработал научно выверенный набор ответов. Профессия: литературный критик. Животное-фамильяр: шнауцер. Любимая еда: салат цезарь с курицей. Любимый фильм: «Рокки II». Занятие в дождливый день: решать кроссворды, ходить по музеям, гулять («Дождь меня не пугает!»). Все это не было неправдой, кроме салата цезарь. Тоби когда-то принял решение не добавлять жиров в свою еду и держался этого принципа как религиозной заповеди или патриотической присяги.

Он щелкнул «отправить» и стал смотреть, как его профиль загружается. Ему показалось, что прошла лишь миллисекунда, и вдруг посыпались послания от женщин:

Привет!

Алё!

Как дела?

(смайлик с изображением высунутого языка)

(смайлик с изображением багрового дьявола)

Шутливо подталкиваю тебя локтем!

(смайлик с изображением больших круглых глаз)

(смайлик с изображением шутливого лица)

(смайлик с изображением баклажана)

(два смайлика с изображением багрового дьявола)

(смайлик с изображением сыщика)

(смайлик с изображением женщины, танцующей, вероятно, самбу, в вечернем платье)

Потрахаемся?

Ну что ж, друзья, в те выходные из его жизни выпал целый день. А может, полтора? Два? Наш общий друг Сет звонил ему дважды, и оба раза звонок переключался на автоответчик, но не сразу – Тоби явно отклонял звонок, увидев, что это Сет. Солнце вставало и садилось, Тоби осознавал, что ему уже час хочется в туалет, в какой-то момент он подумал, не заказать ли доставку из китайского ресторана (курица и овощи на пару, водяных каштанов не кладите, пожалуйста), но большей частью его несло по волнам полученных сообщений.

Женщины хотели отвечать LOL на каждую его шутку, посылать ему подмигивающие смайлики и картинки и воспламенять его усталое сердце пошлыми намеками. Некоторые посылали смайлики в виде больших улыбающихся или подмигивающих лиц. Некоторые составляли целое либретто из смайликов, например: (женщина с поднятой рукой) (мужчина – строительный рабочий) (мужчина и женщина) (ванна). Эта цепочка возбудила его просто невыразимо. Он свайпал и свайпал, пораженный до глубины души количеством сообщений. Лицо, лицо, лицо, лицо, фото в полный рост, лицо, лицо, только ключицы, лицо, лицо, лицо, только щель между ягодицами, лицо, язык, грудь сбоку, господи-боже-мой одни только губы, лицо. Лишь вечером второго дня, когда стемнело, Тоби осознал необходимость что-то предпринять по следам хотя бы некоторых диалогов. До него это дошло только потому, что женщина, с которой он в тот момент обменивался сообщениями, написала: «Так что, я увижу когда-нибудь вживую эту симпатичную мордашку или нет?» Он понял: то, что происходит в его телефоне, теперь раскаленном и покрытом потеками, происходит и в реальной жизни. Он ненадолго поднял взгляд от телефона и почувствовал, с каким усилием его взгляд перестраивается, наводясь на комнату вокруг. Улыбка не сходила с его лица много часов подряд, но он огляделся, и оказалось, что вокруг темно, и он немного запаниковал, вдруг вспомнив, что мир никогда не стоит на месте, что его движение вперед непременно выхватит тебя из состояния бездумного холодца.

Поначалу он весьма великодушно подошел к параметрам поиска в плане возраста. Любая женщина старше двадцати пяти и притом живая представлялась ему подходящей добычей. Но он быстро уставал от молоденьких. Дело не в том, что ему было больно смотреть на их молодость, их еще упругую и светящуюся изнутри кожу, их восторг при виде игривой, как на пружинках, складочки между их же ягодицей и бедром. Хотя, безусловно, ему было больно на это смотреть. Дело не в их явной уверенности, что они будут такими всегда. А может, они как раз знали, что это не навсегда, и торопились насладиться, пока можно. Второй вариант был бы еще хуже, потому что… ну у кого хватает мозгов понимать, что молодость – это не навсегда, и ловить момент? Дело в том, что Тоби просто не мог быть с женщиной, не до конца осознающей последствия, не понимающей, что мир все равно возьмет свое и сделает с тобой все, что хочет, несмотря на все твои кропотливо составленные жизненные планы. Научиться этому невозможно, пока сам это не проживешь. Никто из нас не способен это осознать, пока сам этого не проживет.

Тоби все знал о последствиях. Сейчас он в них жил. До и после случайных встреч для секса у него происходило нечто вроде общения. Он быстро узнал, что в

результате такого общения ему сразу хочется сдохнуть. До сорока лет люди были оптимистами. Будущее представлялось им лучезарным; они не желали верить, что оно с пугающей точностью повторит их настоящее. В них была мобильность. Для Тоби мысль о чужой мобильности была сейчас непереносима.

И еще почти все они до сих пор хотели детей. Даже те, которые притворялись, что не хотят, движимые странным желанием казаться крутыми, или безбашенными, или неуязвимыми, или еще какими-нибудь, или больше похожими на мужчин, раз уж этого хотят сами мужчины. Этим молодым женщинам легко было задурить голову добротой, а Тоби не хотел беспокоиться о том, что, общаясь с женщиной, невольно спровоцирует в ней ожидание какого-то развития, движения вперед и вверх. Он сейчас не представлял себя ни в каком развитии, тем более в движении вперед и вверх. Он знал, что среди мужчин в его ситуации такие взгляды непопулярны. Наш общий друг Сет, например, едва ли поверил бы, если бы Тоби поделился с ним этими соображениями. У самого Сета диапазон поиска по возрасту в HR был выставлен на «от двадцати до двадцати семи», несмотря на то что Сету, как и всем нам, был сорок один год.

– Почему не начинать с девятнадцати? – спросил Тоби. – Или даже с восемнадцати? Закон этого не запрещает.

– Я не извращенец, – ответил Сет, хотя буквально сотни женщин единодушно отнесли бы его именно к этой категории.

Итак, Тоби сменил диапазон возраста в параметрах поиска на «38–41», а потом, подумав «а, пропади все пропадом», – на «40–50», и именно тут наткнулся на золотую жилу: снедаемых неутолимым желанием, интересующихся сексом женщин, которые были не прочь попробовать что-то новое, и при этом их лица не будили в Тоби экзистенциальных вопросов о юности и ответственности за собственные поступки. Здесь он нашел женщин в основном разведенных, свободных от семейных обязанностей и обретших потрясающее второе дыхание, энергию, бурлящее в крови изумление новым возможностям, которое Тоби чуял даже через телефон, как струю феромонов.

Во встречах с ровесницами были и другие плюсы. Их фото на аватарах, в отличие от фото молодых женщин, не выглядели так, будто взяты из порножурналов. Только эти странные миллениалы почему-то считали, что прикушенная губа, или полузакрытые глаза, или откинутое куда-то назад тело (а

куда она дела руки?!) выглядят привлекательно, что мужчину заводят лишь полуобморочные, полумертвые, покорные женщины. Может, это и верно для молодых мужчин, своими первыми сексуальными опытами обязанных порнографии. Но не для Тоби. Женщины, которые ставили на аватар приятное фото с улыбкой, глядели прямо в объектив без притворства и жеманства, – вот такие женщины интересовали Тоби. Они начинали с нуля, совсем как он, и просыпались, как птенцы в гнезде, у которых только что открылись глаза, – тоже как он. Медленно-медленно он стал прозревать в их фото и профилях путь к дальнейшей жизни. «Они как будто показали мне дорогу, – рассказывал он. – Как будто вывели меня к следующей версии меня самого». Благодаря этим женщинам и их уверенности в себе он увидел, каким маршрутом сможет снова войти в жизнь.

Какой из этого можно извлечь урок? Заполни анкету, даже если она приводит тебя в ужас. А еще? Стремись к тому, чего тебе хочется, а не к тому, чего тебе положено хотеть. Тоби окружали сборники инструкций, куда ни глянь: вот эту машину ты должен хотеть купить, вот эту официантку ты должен хотеть трахнуть. Тоби все чаще и чаще понимал, что надо глушить эти команды и спрашивать себя самого, что требуется ему в нынешнем душевном состоянии. Это никогда не была спортивная машина и очень редко – официантка.

Итак, сегодня утром на пути через парк Тоби в очередной раз получил столь нужное ему подтверждение, что жители Нью-Йорка – безумная свора сексуальных маньяков, содрогающихся от похоти и неспособных прожить полдня без оргазма. И тут телефон зазвонил, что слегка выбило Тоби из колеи. Это оказалась Джоани – ее краснеющее смущенным румянцем фото на пропуск возникло на экране внутрибольничного приложения для вызовов. Оно вытеснило фотографию персональной тренерши в бикини, совершенно спутав информационные контуры в мозгу Тоби, уже настроенные на сексуальный лад.

– В отделении неотложной помощи пациентка без сознания, нас вызвали на консультацию.

– Хорошо, я буду через двадцать минут. На меня сегодня утром неожиданно свалили детей.

Он прервал контакт и увидел, что пришла эсэмэска. Она оказалась от Тэсс.

Сегодня вечером как договорились?

Ему страшно не хотелось бросать детей одних, особенно вечером пятницы. Но сильней этого нежелания была ненависть к Рэйчел. Выходные начинаются только завтра. А пошло оно все к черту, подумал он.

Конечно. Жду с нетерпением.

Честно, никто из нас не мог бы предугадать, как сложится жизнь у Тоби. Нам было по двадцать лет, когда мы познакомились в Израиле, во время учебы за границей по обмену. Мы еще не знали, что у неуверенности в себе есть градации: мы думали, что она у нас у всех максимально высока. Конечно, она принимала разные формы, но страдали мы все одинаково. Впрочем, мы верили, что в конце концов это пройдет. Но что касается конкретно Тоби, мы не знали, что детство, проведенное в теле толстого коротышки, сделало его неполноценным в собственных глазах – сначала в глазах его матери, потом в собственных, а потом, как самоисполняющееся пророчество, – в глазах всех остальных людей. Мы еще не знали, что он больше не будет расти – он где-то прочитал, что у юношей иногда бывает внезапный скачок роста в двадцать с небольшим лет. А главное, мы не знали, насколько тяжелую травму он получил, желая других и желая быть желанным для них, но не получая желаемого.

В вечер нашего знакомства, двадцать лет назад, Тоби сидел на полу в забегаловке-разводиловке для туристов под названием «Дварец (sic!) эликсира». Там подавали подогретое вино в бокалах с засахаренной кромкой – сейчас о таком и думать противно, но тогда это казалось нам потрясающей экзотикой. Играл Боб Марли – его CD был единственным, что имелся в забегаловке, но тогда мы этого еще не знали. Тоби сидел у стены, глядя налево, туда, где Сет охмурял одну из официанток. Сет был высокий, спортивный и с кудлатой стрижкой мажора. У Тоби волосы никогда бы не стали спускаться такими плавными волнами; если он их отращивал, они так и продолжали торчать вверх и в стороны. Он и Сет были свежеиспеченными соседями по общежитию. Они познакомились три дня назад и с тех пор каждый вечер ходили в разные забегаловки. И каждый вечер Тоби наблюдал подобную сцену. На второй раз он уже перестал спрашивать себя, что такое знакомство с новым соседом – колоссальное везение или худшее, что могло произойти с его самооценкой, и без того упавшей ниже плинтуса.

Официантка весь предыдущий час игнорировала Сета. Вероятно, она привыкла производить сокрушительное впечатление на только что прибывших американских студентов. Но Сет ей до сих пор не попадался. Он все время спрашивал ее, как переводится на иврит то или иное слово в английском меню. Ведь это же вопросы по делу, так почему она не отвечает? «Ну пожалуйста, – говорил он, – пожалуйста, пожалуйста, скажите. Я новичок в этой стране. Ну пожалуйста, мы ведь товарищи, камрады, компатриоты». Тоби смотрел, как официантка начинает тяготеть к Сету, словно прилив к Луне. Она постепенно оттаивала и склонялась поближе, читая слова, на которые он указывал, а потом глядя ему в лицо, когда он повторял за ней. Просто удивительно, как люди теплели к Сету – как женщины таяли перед Сетами мира сего. Тоби к тому времени проучился в университете два года – достаточно долго, чтобы понять: то, что творилось с ним в старших классах, не аномалия. Он понял, что обречен вечно играть роли второго плана при парнях вроде Сета. То ли дело было в его росте, то ли в его чувствах по поводу собственного роста, то ли ему в самом деле не хватало шарма, красоты и харизмы.

В тот день мы приехали на автобусе из Тель-Авива – я и Лори, моя соседка по квартире, рыжая девица с торчащими передними зубами (она была откуда-то из штата Миссури, но не из Сент-Луиса). То был первый и, кажется, единственный вечер в Израиле, когда мы с ней пошли развлекаться вместе. Мы сели на пол рядом с Тоби, и пока Лори осматривалась кругом, я наблюдала, как он наблюдает за Сетом, наблюдающим за официанткой. Дрочка по кругу, или наблюдение за наблюдателем в стиле телеканала National Geographic. Официантка уже сидела на полу рядом с Сетом. Я тоже сидела, но обхватив себя руками. Тоби повернулся к своему бокалу, чтобы отхлебнуть вина, и увидел, что я за ним слежу.

– Я думал, израильтян в армии учат приемам самообороны, – сказал он.

Он был родом из Лос-Анджелеса и изучал биологию в Принстоне. Происходил из семьи потомственных врачей и сам всегда хотел стать врачом. А я была из Бруклина, из семьи с кучей дочерей, которые должны были перейти из своих детских спален прямо в спальни к мужьям, без промежуточных остановок. Я жила с родителями и каждый день ездила на занятия в университет Нью-Йорка. Учеба по обмену в одобренной матерью стране была для меня единственным способом вырваться из дома. Мы с Тоби продолжали разговор, наблюдая, как Сет охмуряет официантку. Мы обсуждали его ходы на манер спортивных комментаторов. Обменявшись с Тоби буквально пятью словами, я уже понимала,

что мы на одной волне. Мы пользовались одними и теми же приемами защиты: сарказмом, придирчивостью, броней начитанности, которая, как мы надеялись, подчеркивала, что мы умнее окружающих. Тоби мне понравился. Он даже мог бы мне понравиться в том самом смысле.

Но. Два часа спустя Лори объявила, что последний автобус на Тель-Авив уходит через пятнадцать минут. Тоби сказал, что проводит меня до остановки, и я начала вставать, и он тоже, но когда он закончил вставать, я еще продолжала: дюйм, другой, третий. Тоби привык быть маленького роста, а я не привыкла быть очень высокой. Во мне всего пять футов восемь дюймов[5 - Примерно 173 сантиметра. Прим. ред.], для девушки это высокий рост, но не великанский. Впрочем, смотря с кем рядом стоять. Я и так ненавидела собственное тело и не пережила бы, если бы мне пришлось постоянно выситься над своим парнем, а ведь именно так получилось бы с Тоби. Я не могла себе позволить быть крупнее мужчины – ни в постели, ни в кино, ни за обеденным столом, ни, если честно, даже по телефону. Я не хотела чувствовать себя огромной и неуклюжей, тысячефунтовой тушей; я не хотела мириться с этим каждый раз, как его рука полезет мне под рубашку. Я и без того уже страдала из-за собственной внешности. И я тут же выпалила: «Мне кажется, ты и эта девочка из нашего общежития, вы друг другу подойдете». Я это сказала то ли чтобы отразить его вроде бы возникший интерес ко мне, то ли чтобы как-то компенсировать то, что я немедленно сбросила его со счетов. Он сунул руки в карманы и улыбнулся одними губами. Мы вышли к автобусу и увидели, что в тени Сет целуется с официанткой. Мы оба притворились, что не видим, и стали говорить про учебу – чтобы даже призрак секса не начал реять между нами. Я не разбила сердце Тоби – он тоже меня не хотел, просто мы оба хотели кого-нибудь.

После того вечера мы с Тоби время от времени виделись в Иерусалиме – первый раз случайно, через неделю, опять столкнувшись в «Дварце эликсира» и обрадовавшись этому, потом уже намеренно, договариваясь о встрече по телефону. Сет приезжал в город вместе с Тоби и ухлестывал за всеми девушками подряд – главное, чтобы они были не толстые и умели кокетничать. Мы с Тоби стояли и смотрели, низводя их до карикатур, но при этом изумленно качая головами – нас удивляло, как легко им все это дается. Я в том году в конце концов обзавелась парнем – его звали Марк, и он обожал петь арии из Les Miserables на тель-авивском пляже, широко разводя руки, и ходил со мной за кремом-увлажнителем в «Дизенгоф-центр», и вы наверняка уже поняли, чем это кончилось. Он меня бросил – внезапно и бесцеремонно, потому что я никогда никого не бросала: я не верила, что смогу найти кого-нибудь еще. Тоби сказал мне, что, по его мнению, Марк постарался отпустить меня, поскольку я

заслуживаю парня, который будет меня любить. Но потом я увидела, как Марк обжимается с другой девушкой в нашем общежитии, и поехала в Иерусалим поплакаться Тоби в жилетку.

– Почему я такая дура? – спросила я у него.

Тоби так и не понял, что я нашла в Марке.

– Не знаю, – ответил он. – Ты такая особенная, а он обычный и тупой.

Это было приятно слышать, но я все равно выпила две стопки «гольдшлягера», что примерно на полторы стопки превышало мою норму даже в юности. Мы сидели на бордюре мощенной брусчаткой пешеходной улицы Бен-Йехуда. Я прислонилась к плечу Тоби – для этого мне пришлось извернуться вбок от копчика до шеи, поскольку его плечо приходилось существенно ниже любой части моей головы. Мое тело, шея и голова образовали букву С. Тоби гладил меня по макушке, думая о том, как нелепо мы выглядим со стороны.

Тут среди толпы пьяных до изумления американских студентов, обычно слоняющихся по Бен-Йехуда, возник одинокий Сет. Он увидел нас и сел рядом со мной, с другой стороны.

– Что случилось, чуваки? – спросил он.

– Марк меня бросил. Сказал, что никогда не был в меня влюблен по-настоящему.

– Это потому что у тебя нет члена, – ответил Сет. – Ты слишком хорошенькая, чтобы в таком юном возрасте отрезать все остальные перспективы.

Я улыбнулась сквозь сопли, отклеилась от Тоби и прислонилась в другую сторону, к Сету. Его плечо было выше моего, и моя новая поза выглядела не так унизительно.

Это было в ноябре, как раз перед Днем благодарения, и с того дня мы, как легко предугадать, стали дружить втроем. Мы встречались каждую неделю в четверг вечером, потом стали встречаться и в субботу вечером, а во время каникул – каждый день. На Песах, когда половина студентов уехала домой в Штаты

встречать праздник с семьей, мы вместо этого отправились в пеший поход по Галилее с группой случайных туристов, организованной через электронную доску объявлений для экспатов. Мы любовались водопадами на рассвете, а на закате ели голубятину, про которую нам сказали, что это курица. Как-то вечером мы сидели на берегу Галилейского озера и слушали, как христианский пастор, собирающийся принять иудаизм, рассказывает историю своей жизни. Именно в этом походе Сет научил меня курить – сперва табак, потом травку – и божетымой, я как будто обрела исцеление от самой себя. Последнюю ночь в Израиле мы провели вместе, безумствуя под кайфом, и на следующий день улетели, каждый своим рейсом. Мы поддерживали связь даже по возвращении домой, все время, пока учились в университете, и когда Тоби окончил мед, и когда я опубликовала свою первую статью в журнале для чирлидеров, и когда у Сета случилась первая неприятность с Комиссией по ценным бумагам и биржам. Только после женитьбы Тоби мы начали терять друг друга из виду.

Лет двенадцать назад я вышла замуж за юриста, родила и переехала в пригород. Я давным-давно исчезла из жизни Тоби – с момента моей свадьбы мы, кажется, и словом не перемолвились. Иногда я вспоминала о нем с грустью. Иногда я по многу месяцев не думала о нем вообще.

А потом, в июне прошлого года, у меня зазвонил телефон. Я прибиралась на кухне после ужина. Адам, мой муж, укладывал детей спать. Имя высветилось на экране как ни в чем не бывало, будто этот звонок ничем не отличался от других.

– Тоби Флейшман! – Я выключила воду, вытерла руки и развернулась, облокотившись спиной о раковину.

– Элизабет Эпстайн, – произнес он.

– Боюсь, вы не туда попали. Меня уже давно зовут Элизабет Слейтер.

– Правда? В журнале ты всегда подписываешься «Эпстайн».

– Боюсь, вы не туда попали. Я уже давно не публикуюсь ни в каких журналах.

– Правда?

– Тоби. Тоби! Что происходит?

Он сказал, что разводится и что его психотерапевт велела ему возобновить отношения со старыми друзьями в качестве одного из шагов «возвращения к своей собственной жизни».

– Это она так выразилась, а не я, честное слово.

Нет, развод не был внезапным. Да, к тому давно шло. Да, у него огромная рана в животе и кишки волочатся по полу. Да, Рэйчел забрала квартиру, машину и загородный дом в Хэмптонсе.

– Но что случилось? – спросила я.

– Оказалось, что она чокнутая. Я так искал кого-нибудь нормального и в результате выбрал сумасшедшую. Мы ходили к семейному консультанту. Он сказал, что у нее слишком много презрения. Он сказал, что презрение – один из четырех всадников Апокалипсиса.

– А кто другие три?

– Кажется, один – «не желаю тебя слушать». Да, а другой – манера во всем видеть обвинение и сразу уходить в глухую защиту. Четвертого не помню, честно.

– Может, стервозность?

Адам шикнул на меня из спальни сына. За каким хреном мы покупали огромный дом в пригороде, если в нем нельзя даже пошутить на кухне вечером?

– Я уверена, четвертый всадник – это стервозность одного из супругов.

Последний раз я видела Тоби много лет назад, когда мы с Адамом пошли к Тоби и его жене на ужин, и это был чистый кошмар. Мой милый, вежливый муж пытался поддерживать разговор с Рэйчел об агентском бизнесе, а она отвечала как участница конкурса «Мисс Америка» – полными, законченными предложениями, исключавшими любую возможную дальнейшую реплику, и

с бешеной скоростью подавала на стол очередные блюда. Когда ужин кончился, Адам сказал «спасибо» и «до свидания», а я нет. Я только посмотрела на Тоби и вышла.

Но в тот вечер, когда Тоби позвонил, он приготовил длинную жалобную речь о том, что ему пришлось пережить. Эта речь была призвана смягчить мой гнев – мой справедливый гнев – на Тоби, чтобы мы опять могли стать друзьями. «Можешь всё высказать мне потом, – начиналась она. – Я это заслужил. Но сейчас мне очень нужен друг». Вероятно, он надеялся, что на слове «друг» его голос дрогнет и я пойму, что его раскаяние искренне.

Но когда я увидела его имя на экране телефона, случилось кое-что еще. Я вернулась в прошлое, в день нашей последней встречи. При звуках несчастного голоса Тоби в душу хлынули облегчение и любовь, и я сложила все свои обиды в архив, чтобы вернуться к ним когда-нибудь потом.

Я тоже как раз тогда переживала трудные времена. Года за два до того я ушла с постоянной должности в редакции мужского журнала. Я стала «неработающей мамашей». Это временная занятость, исключающая всякую возможность повышения. Но она так старательно отгораживается от «настоящей» работы, что семантически обрекает на полное бездействие, хотя я, конечно, продолжала покупать продукты, готовить, убирать и заниматься детьми. Когда я говорила людям, чем занимаюсь, они отвечали: «Быть матерью – самая трудная работа». Но это неправда. Самая трудная работа – быть матерью и одновременно работать на настоящей работе, с офисным дресс-кодом, проездным билетом, шариковыми ручками и губной помадой. Когда у меня еще была настоящая работа, мне никто не говорил: «Работать на настоящей работе и одновременно быть матерью – самая трудная работа». Нам приходилось молчать об этом, чтобы не внушать неработающим матерям комплекс неполноценности. (Когда-то давно, когда я еще работала, я спросила одну женщину, работает ли она. «А как же, – ответила она. – Я мать». Но я ведь тоже мать! Тогда как называется то, что делаю я?) Но кроме этого: я не нуждалась в стороннем подтверждении того факта, что работать вне дома и одновременно быть матерью – труднее. Это очевидно. Это две работы на полный день. Простая арифметика. Ведь тот факт, что у тебя есть работа, никак не отменяет того факта, что у тебя есть дети; тебя никто не освобождает от соответствующих обязанностей. Заботиться о детях на расстоянии ничуть не легче. Доверить их незнакомой женщине, которая стала нянькой только потому, что непригодна ни к какому другому делу? Это как-то не внушает оптимизма и не позволяет расслабиться. Теперь, поработав в офисе и

побыв домохозяйкой, я могу это подтвердить. Сейчас, сидя дома, я могу заявить об этом в полный голос. Но так как я не работаю, меня никто не будет слушать. Неработающих матерей никто никогда не слушает – возможно, именно поэтому мы так старались щадить их чувства.

Ну ладно.

Нельзя сказать, что я бездельничала. Я постоянно сотрудничала с учительско-родительской ассоциацией и была на хорошем счету. Я владела автомобилем, ставя свое удобство выше здоровья атмосферы и будущего нашей планеты. У меня был пенсионный вклад. Я ездила в отпуска, плавала с дельфинами и учила детей кататься на лыжах. Я жертвовала в ежегодный школьный фонд. Я чистила зубы нитью дважды в день и посещала зубного врача дважды в год. Я сдавала мазки с шейки матки и ходила на проверку родинок. Я участвовала в работе книжного клуба, где мы читали книги об угнетении меньшинств. Я посещала физиотерапевта по поводу старой травмы колена, хотя могла бы потратить это время на что-нибудь поинтереснее – но я не хотела, чтобы травма повторилась. Я готовила завтраки. Я ходила на бесконечные встречи мам, чтобы «глотнуть воздуху». Для встреч я надевала джинсы в обтяжку, модные блузки и туфли на высоком каблуке, будто кому-то это было не все равно. Обычно на этих встречах мы ели в ресторанах по соседству с теми, в которые мы ходили с семьями. (А вот встреч пап, на которые мог бы ходить мой муж, в природе не существовало. Предполагалось, что мужчины живут все время, а женщины заперты в клетку, откуда их время от времени выпускают побродить по окрестностям и попить крови свободных людей.) Я проводила опросы – где уроки плавания лучше, в Культурном центре еврейской молодежи или в Еврейском общественном центре. Я записывала детей в футбольные секции заранее, пока туда еще шел набор (то есть на много месяцев раньше, чем нормальному человеку приходит в голову, что ребенка не мешало бы записать в футбольную секцию) и организовала расписание подвозов силами родителей. Я планировала походы детей в гости друг к другу на поиграть, барбекю, визиты к зубному врачу (отдельно к детскому, отдельно ко взрослому), и к врачам по внутренним болезням, и к педиатрам, и к парикмахерам, и на тесты для поступления в школу, и для покупки спортивной обуви, и на кружок по рисованию, и к детскому офтальмологу, и к взрослому офтальмологу, а теперь вот еще и на маммограмму. Я готовила обеды. Я готовила ужины.

– Почему ты все это время пропадал? – спросила я у Тоби.

– Мы с ней ссорились на людях. Мне было невыносимо стыдно. Она могла начать скандалить в присутствии кого угодно.

– А я думала, дело во мне! Все это время я думала – может, она совершенно нормальная, милая женщина, просто невзлюбила меня и настроила тебя против. – Мне вдруг показалось жутко нелепым, что я когда-то в это верила. – Да, она совершенно ужасный человек. Я ее возненавидела с первого взгляда.

Тоби был безумно благодарен мне за то, что я не стала предъявлять старые счета или кудахтать над ним, как над раненым котенком. Облегчение ударило ему в голову, и он смеялся все больше, и я тоже смеялась все больше. И в этом смехе слышалась наша юность, а ведь это бывает опасно – стоять на пороге среднего возраста, когда твоя жизнь зашла в тупик, и вдруг услышать отзвуки своей юности.

После первого телефонного разговора мы встретились на обед в кафе в Гринвич-Виллидж. Кафе открылось на месте закусочной, в которой мы часто ели, когда Тоби еще учился в меде. Мне тяжело было смотреть на него и подмечать признаки возраста на лице – мысленно я видела его все тем же, у меня в голове он законсервировался, как Хан Соло в конце фильма «Империя наносит ответный удар». В памяти отпечаталось его горестное испуганное лицо в день нашей последней встречи.

– Она постоянно злилась, – сказал он.

Я стала задавать ненавистные ему вопросы: так что же случилось? Расторгнуть брак – это ведь очень тяжело, это такой решительный шаг. Должно было что-то случиться. Может, она тебе изменяла? Может, ты ей изменял? Может, тебе были неприятны ее подруги? Может, после появления детей у нее пропало влечение? Но брак – обширная, загадочная и очень личная территория. Нельзя использовать научный подход и сравнить две супружеские пары: слишком много факторов, которые невозможно учесть, в том числе – порог переносимости у каждого отдельного человека. Я состроила приятное лицо и изобразила на нем любопытство, как делала, когда еще была журналисткой, во время интервью. Притворяясь, что от ответов практически ничего не зависит, в то время как на самом деле они были делом жизни и смерти.

– Но ты не спросила, как мои дела сейчас. – Он вытащил телефон и открыл его. Боже мой! – Ты только погляди на них на всех.

Все эти женщины, практически сложенные штабелями – фото на экране выстроились в ровные ряды, и их можно было скроллить, – умоляли о внимании Тоби Флейшмана. Тоби Флейшмана! Я уставилась на него, потеряв дар речи.

– Так ты теперь живешь?

– Так я теперь живу. Не нужно выходить из дома, только чтобы нарваться на очередной отказ. И отказы-то получать необязательно. Участие совершенно добровольно. Люди регистрируются на этих сайтах, чтобы найти секс.

Тоби все скроллил, и список женщин, желающих заняться с ним сексом, все не кончался. Картинки, тексты. Заняться сексом с Тоби Флейшманом!

– Совсем как в «Расстыковке», правда? Кто же знал тогда, что это на самом деле – руководство к действию?

Давным-давно, в 1979 году, мужской журнал, где я с тех пор успела поработать, опубликовал знаменитый рассказ о разводе под заглавием «Расстыковка». Автор, Арчер Сильван, был ходячей легендой среди сотрудников журнала и символизировал собою журнал не хуже любого логотипа. Я начала читать Сильвана еще в юности (вероятно, в слишком ранней юности), и в Израиле его книги лежали у меня на тумбочке у кровати. Тоби взял одну почитать. Потом другую, потом третью. В детстве мне не разрешали читать книги «для подростков», которыми зачитывались мои подруги, – про бебиситтеров и хорошеньких близняшек-блондинок. Моя мать считала эти книги мусором для дегенератов, затягивающим в пучину подростковых беременностей и наркомании. Поэтому я читала книги Арчера Сильвана, которые приносила домой моя старшая сестра, прилежная студентка. «“Расстыковка” и другие рассказы», «Город вверх ногами», «Все в бассейн!» На обложках красовались большие заглавные буквы шрифтом «гельветика», и казалось, что это важные книги, настоящая литература. Внутри же они были полны такой грязи и чернухи, что подобного я и представить себе не могла. Возможно, шестиклассникам все же рановато читать про грязь и чернуху в таком количестве. В рассказах фигурировали нудистские колонии, сексуальные оргии, сапатисты[6 - Сапатисты – мексиканское леворадикальное движение. Идеология движения

объединяет традиционные верования майя с либертарным социализмом, анархизмом и марксизмом. Прим. ред.], коммунисты, политики и их тайные оккультные ложи, ученые – приверженцы полиамории. Автор делал просто невероятные открытия. Не верилось, что наш мир именно таков. Однажды он был в Чили, и местный шеф-повар, который, следуя некоему странному буддийскому принципу, ни одно блюдо не готовил по два раза, отрубил голову живому козлу, залез ему в череп через разломанную челюсть и стал есть мозги сырыми. Он предложил угостить и Арчера, и тот тоже стал их есть, прямо на месте, голыми руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

165 сантиметров. Прим. ред.

2

По Фаренгейту; соответствует примерно 34 градусам Цельсия. Прим. перев.

3

Страйк в боулинге – идеальный бросок, когда за один раз игрок выбивает все 10 кеглей. За три страйка подряд начисляется 30 очков. Прим. ред.

4

Комедийный кинофильм Вуди Аллена про начало, развитие и конец отношений между начинающей певицей Энни Холл и стендап-комиком невротиком Элви Сингером. Еврей Сингер повсюду видит антисемитские заговоры и много лет посещает психоаналитика. Прим. ред.

5

Примерно 173 сантиметра. Прим. ред.

6

Сапатисты – мексиканское леворадикальное движение. Идеология движения объединяет традиционные верования майя с либертарным социализмом, анархизмом и марксизмом. Прим. ред.

Купить: https://tellnovel.com/ru/brodesser-akner_teffi/fleyshman-v-bede

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить